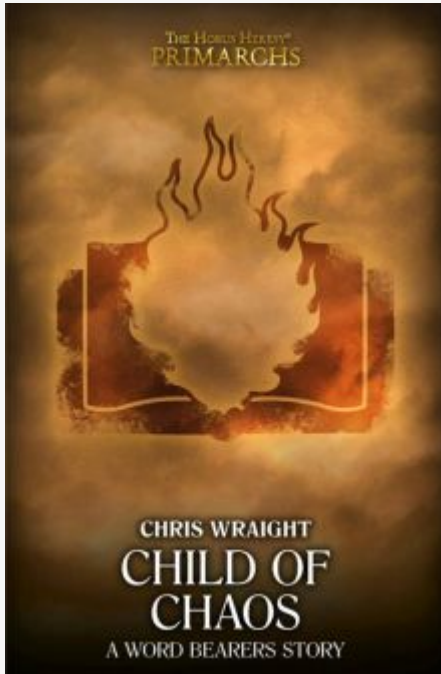

Дитя Хаоса / Child of Chaos (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Дитя Хаоса / Child of Chaos (рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wright
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Итак, что же вам от меня нужно?

Быть может, некое объяснение? Какая-нибудь великолепная душеспасительная история, которая бы разъяснила, каким образом развернулись события? Возможно, имелась причина – движущая сила, которая бы сделала все закономерным; а поняв ее, вы бы смогли ненавидеть меня чуть меньше, чем сейчас.

Однако таковой не существует. У меня никогда не было времени каяться. Я, так сказать, *стихиен*. Аксиоматичен. Таков, каким и должен был являться тот, кто находился внутри целого клубка ложных ходов.

Как становится видно, я добился своего. Я – тот, кто я есть. В этом мое благословение и, ради симметрии, мое же проклятие.

Но обождите. Я забегаю вперед. Вы хотели объяснения, и потому мне следует начать с Колхиды. Как вы уже могли догадаться, всё – всё – началось там. Сколь же безысходное и ужасное место для начала. Что ж, полагаю, с началами так всегда и бывает.

Боги, я ненавидел Колхиду. Ненавидел ее жару, ненавидел пыль и вязкий пот. Я еще даже не успел узнать о существовании иных миров, а уже проклял богов за то, что они сотворили мой дом таким невыносимым. Религии не просто так процветают в пустыне – там больше нечем заниматься, кроме как раздумывать о невзгодах.

Обычно я сидел в тени дома своего отца, устроившись на корточках в окружении трепещущего воздуха, и поджидал удирающих от света скорпионов. Я ловил их голыми пальцами, поднимал и наблюдал, как они извиваются. Затем отрывал им ноги, одну за другой. Порой меня жалили, порой нет. Это была своего рода игра, пусть и не слишком хорошая. Однажды от укуса меня на месяц поразила лихорадка, от которой я лежал на циновке, кипя изнутри и трясаясь в бреду. Я мог умереть. Впрочем, это меня не особенно заботило. Оправившись, я снова сидел все там же у входа и ждал, кто следующим пробежит в пределах досягаемости. Еще с тех пор я играл в одну и ту же игру: приблизься к угрозе и погляди, сколько сможешь продержаться, пока тебя не укусят.

Не имеет значения, в каком городе это было. Я и сам едва его помню. Все они были одинаковы – сплошная грязь, мгла, вонь пота и нечистот. Родителей я раздражал. Они хотели, чтобы я обучался ремеслу – двигался вперед, нашел себе полезное занятие. Мне не хотелось ни того, ни другого. Я хотел стать богачом без стараний. Хотел иметь рабов и конкубин. Вести мою скорпионью игру с людьми. Долгое время было неясно, как я смогу добиться этого, однако судьба своей волей навела меня на возможность.

Будучи наблюдателем по натуре, я заметил, что организацией, где я мог бы преуспеть, к тому моменту стал Завет. Ныне среди тех, кто до сих пор делает вид, будто хранит записи и рассказывает истории, модно считать, что Завет якобы являлся неким кладезем благочестия – предтечей появившейся позднее фундаментальной религии. Возможно, где-то так и было. Быть может, в Варадеше и делали все, как положено. Однако в провинциях жрецы уже начали приобретать характерную репутацию. Они пили. Предавались азартным играм. Они были жестоки, и пользовались своей жестокостью, чтобы копить богатства. Даже верующие знали, что уплаченные ими десятины не целиком шли на украшение храмов. Система напоминала загнивший водоносный слой, холодное и маслянистое сердце которого закрыто от пытливого света солнца.

Итак, вы можете понять ее притягательность. Я представлял себя в этих одеяниях, обладателем собственного дворца, где во дворе журчит фонтан, а вокруг в шелках нежится полный зал девушек, считающих мои монеты. Однако попасть туда было непросто – несмотря на все разложение, церковники держались за власть окостенелой хваткой свежего трупа. Лишь тех, кто обладал хорошими связями, отправляли в семинарии, обучали обрядам и показывали им, как читать старинные тексты. Уличный отброс вроде меня мог рассчитывать только на нищету.

Но я не сдавался. Идея пришла мне в голову и засела там. Я болтался возле часовен и наблюдал, как соискатели бродят туда-сюда, переваливаясь на ходу, словно жирные псы. Подслушивал у окна, когда они распевали свои песнопения, и начал заучивать порядок слов. Став постарше, я осмелел. Когда мямлящие хозяева засыпали, я пробирался в древние скриптории и воровал книги. Фрагмент за фрагментом я начал складывать воедино катехизисы и литании. Разумеется, в них отсутствовал смысл – это были всего лишь слова – однако я многое запомнил. Все давалось само собой. Конечно. Я был рожден проповедовать эти слова, и неважно, верил ли я в них. Позднее я поверил, но в ту пору это были просто символы, как знаки на замке.

В моем поселении был один благочестивый юноша, который тушью наносил на свое лицо и выбритую

голову некоторые слова из священных книг. Ежедневно до рассвета он добавлял еще хны, переписывая символы культа при помощи одного лишь отражения в полированной серебряной миске. Благодаря этому в нашем пропащем городишке он считался чем-то вроде примера для подражания. Даже моя мать, толстая и ленивая неряха до мозга костей, отмечала его усердие.

- Ну почему ты не можешь быть таким, как он? - сокрушалась она, ковыряя свои ногти и глядя, как я без дела сижу у входа. - Почему *не можешь* быть как Эреб?

Что ж, видите, подобные мысли обладают ужасной силой. Я принял ее слова близко к сердцу. Поразмыслил над ними. И задумался про себя: а почему это я *не могу* быть как Эреб?

Об этом же я думал, когда душил юношу удавкой. Возможно, я даже произнес эти слова вслух, когда захлестнул струну и смотрел, как выпучиваются и лопаются его глаза. Тогда я впервые убил человека, и, о боги, это было прекрасно. Мое сердце колотилось, а лицо сияло. Чем дальше утекала его жизненная сила, тем сильнее я ощущал, как расцветает моя собственная. К тому моменту, как я позволил его телу упасть в переулке, у меня внутри буквально все пело.

Это чувство длилось недолго. Муторно избавившись от тела, я порылся в его пожитках в поисках необходимого, а затем покинул место своего рождения и отправился в великую пыльную пустошь - я не мог остаться там, где знали и его, и меня. Я ни разу не пожалел об этом. Когда вышли звезды, а дневной жар стал спадать, я прошел через южные ворота, неся на себе одежду мертвеца и его письма, тщательно выписанные тушью на моей бритой голове.

А, видите? Вот ирония. Отметки на моем теле - те, по которым видно, что я это я - на самом деле никогда не принадлежали мне. Я носил их и впоследствии, чтобы гарантировать, что никто не поставит под сомнение украденные мною имя и личность. Со временем я отчасти позабыл их происхождение и стал уделять больше внимания тому, что писал. К тому моменту, как я взялся за иглу для татуировок, слова уже изменились, и это действие являлось не просто маскировкой. Однако первоначально все это было просто обманом.

Так как же меня звали в начале? Равно как и название места, где я родился, это совершенно не имеет значения. Я стал похож на демона, который лелеет свое тайное имя, отзывающееся лишь в эмпиреях. *Вам* я его точно не скажу. Некоторые вещи неведомы даже богам.

Мне повезло, или, возможно, было суждено овладеть своим искусством, пока я был всего лишь мальчишкой, как и все аcolиты семинарий. Благодаря лжи и похищенным бумагам я вскоре удобно устроился в другом учебном заведении. Я изучал как можно меньше чистой теологии, но усердно следил за более мирскими видами власти. Я видел, как жрецы поддерживали порядок в огромных соборах. Как страх и восторг умирляли целый народ. Видел, как произнесенное шепотом слово имело большую силу, чем выкрикиваемая речь - по крайней мере, так бывало много раз.

Это были последние дни для старой веры. Уже распространялись панические слухи о мчащейся по пустыне армии под командованием золотого пророка, который намерен все изменить и выдворить Силы с якобы занимаемых ими небес. Иерархами Завета начал овладевать страх. Жертвы стали приноситься чаще, признания в вере и покаяния в грехах делались с большим чувством. Я знал, что это их не спасет. Колодец иссякал, а они уже в любом случае вычерпали из него слишком много воды. Я начал размышлять, кто же такой этот пророк, и задаваться вопросом, не смогу ли я как-нибудь примкнуть к его делу. Меня уже утомляли мои иссохшие наставники, и хотелось оказаться в тени чего-то такого, что жалит по-настоящему.

И тогда случилось самое странное. Я столько времени провел среди этих книг, песнопений и проповедей о старых моделях боли и искупления, что почему-то воздержался от цинизма на их счет. Я поймал себя на том, что вкладываю смысл в то, о чем говорю. Что учусь не для того, чтобы избежать учительской плети, а из увлечения. Я как будто окунулся в одну из писцовых чернильниц, и на мне остался след. Это не было прозрение. Я не стал из неверующего верующим, но постепенно начал ценить свою склонность

к определенному образу существования. Можно сказать, я был самородком. Я был создан для этого. Помню себя в хранилищах того старого храма из глинобитных кирпичей, где я занимался свечами, чувствуя на губах аромат горячей крови. Помню, как глядел в тусклые стекла алтарных зеркал и видел в них не одно отражение, а четыре drobных. Несмотря на вездесущий зной, я ощущал, как по мне пробегает дрожь. Я был жалким воришкой, крошечной крапинкой в радуге вечности, но я знал, что мог бы помогать этим сущностям. Я чувствовал, что они всегда рядом, висят в моей тени и задерживаются над мелкими проявлениями моей жестокости. Завет служил им игрушкой. Возможно, другим организациям можно было бы найти такое же применение.

Итак, когда пророк, наконец, добрался до нашего города, и я увидел сияние его безупречного профиля над плачущей благодарной нацией свежепросвещенных рабов, то не испытал ни ликования, ни уныния. От меня требовалось лишь подождать. Тогда я еще был ребенком. Вечно так продолжаться не могло.

И конечно же, в итоге я увидел своего пророка вблизи. Я смотрел, как он входит в ворота со своей армией раскосых верующих, и мгновенно понял, что это значит для меня. Он был большим скорпионом, и мне требовалось подобраться ближе. Его сопровождал Кор Фаэрон. Этот ветхий куль кожи и эзотерических зелий лип к нему, словно вонь гниющей на солнце мясной нарезки. Я помню, как наши взгляды на миг встретились, когда эти двое триумфально шествовали через захваченный город, хотя полагаю, что он этого сейчас уже не вспомнит. Тогда я был никем, а он был всем. Я был червем в грязи, а он повелевал армиями фанатиков всего мира, стоял бок о бок с помазанником и впитывал отвергаемые тем восхваления.

Бытует мнение, будто я должен ненавидеть Кора Фаэрона. Да, мы стали соперниками, а в этом огромном сборище мерзавцев и отступников подобное обычно порождает вражду, однако на самом деле у меня нет к нему злобы. Я нахожу его забавным. Он так усердно старался не отставать, стать одним из нас, и все, чего он добился - выставил себя посмешищем. Его тело болтается внутри брони, будто вздернутый труп. Его держат из своего рода сентиментальной жалости. Лишись мы его сейчас по каким-либо причинам, я бы скучал по нему, ведь наш Легион не благословлен обилием шутов, так что мы не можем позволить себе терять тех немногих, кто у нас есть.

Как бы то ни было, приход пророка стал концом Завета, по крайней мере, в открытом виде. Мы ушли в подполье - те из нас, кто понимал, что творится на самом деле. Мы собрали необходимое нам и сохранили его, скрыв от глаз. И, так уж устроен мир, благодаря секретности оно стало сильнее. Древние слова шипели сквозь запертые двери, а мы проговаривали консервативные песнопения, прикрываясь внешне пылким распевом новых. Честно сказать, то были лучшие дни, полные обещаний, вероломства и беззвучных убийств во мраке.

Разумеется, мы знали, что вскоре явится Он. Об этом нам постоянно говорил пророк и вопили все гадания и жертвоприношения. Мне так хотелось увидеть этого Повелителя Человечества, ведь я лучше многих знал, какое значение это будет иметь для вселенной. Я желал узреть существо, повергнуть которое мне уготовила судьба. Желал видеть, как Его притащат ко мне, будто мычащего быка под кривой нож. В отличие от столь многих, кто потом утверждал, что они ошибались или заблуждались, я никогда, никогда не был увлечен Им.

Я знал, знал с самого начала.

Знал еще до того, как Он вообще ступил на мой иссушенный до костей родной мир.

Я знал все это потому, что никогда не стремился стать чем-либо иным, нежели являюсь - я соглядатай, подлец, обильный источник лжи и яда. Осуждайте меня, если вам угодно, и так делают многие, однако в нашем далеком от совершенства бытии у каждого есть свое место.

Мое место здесь. Иначе поступать я не могу.

Сперва нам требовалось измениться. Мы должны были стать Его воинами. Отринуть свои прежние тела и принять новые, будто выползающие из коконов гусеницы. Мы пошли на все это, зная, что надеваем на себя кошунственные обличья, а наши священные человеческие тела будут уродовать и крушить неверующие. Хотя мы и знали о дарах, которые приобретем при этом, это была настоящая жертва, и я помню горечь от нее.

Кроме того, по правде говоря, мы были слишком стары. Пусть даже наши смертные тела еще пребывали у черты возмужания, мы уже миновали оптимальный возраст перехода. В результате было больно. Больно так, как мне не бывало ни до, ни после. Представьте, что некто вытаскивает наружу ваши органы, выворачивает их наизнанку и заталкивает их назад, наполняя ваши вены кислотой и ломая кости. Многие из нас умерли. Некоторые из встретивших скверную смерть были искушены в путях Завета, и этого хватило, чтобы остальные задумались – *действительно* ли за нами присматривают?

Но мне удалось.словно несчастливый талисман, который раз за разом всплывает на поверхность, я пробрался и оказался по ту сторону, часто моргая и понемногу истекая кровью. Полностью оправившись, я впервые в жизни стал силен. Ужасающе силен. Там, где раньше я крался и полз, ныне я мог гордо вышагивать. Я часто стоял перед своим собранием зеркал и любовался перевитым мускулами телом божества. Мы научились сражаться новыми способами и новым оружием. Научились облачаться в эту тяжелую броню и пользоваться ею, чтобы стать быстрее самой злобы. Был и соблазн, который мог представлять угрозу. Я на миг увидел привлекательность во всем проекте империи – вселенной чисто материальной роскоши, скрепленной древней наукой и отделенной от беспорядочного потустороннего мира.

Лишь на миг, конечно. В основном, это зрелище вызывало у меня отвращение. Я начал с большей серьезностью наносить надписи на свое тело, и метки стали держаться дольше. Я выбирал пассажи из разных наших книг, которые можно было бы прочесть несколькими различными способами, дабы ублажить всех возможных владык, кого нам в ту пору приходилось ублажать. Неизменно я вытравил их на лице только впоследствии, когда мой примарх и сам начал делать карьеру автора, а это случилось уже гораздо позже того, как исчезла нужда в двусмысленности.

Требовалось разобраться с тысячами тонкостей. Основную массу Легиона составляли терранцы, а они были унылыми атеистами. Нельзя было полагаться даже на многих из колхидян, разрывавшихся между старой и новой верой, а также назойливыми кредо материализма. Мы представляли собой группу безродных дворняг, пустынных отшельников, которых бросили в пустоту, населенную таким множеством народов, какого мы и вообразить не могли. Тем из нас, кто дорубился до истины – глубинной истины – приходилось ступать осторожно и не торопиться, понемногу занимая позиции, дающие власть и влияние.

Я находился в своей стихии. Я не являлся ни самым могучим воином этого Легиона, ни его самым одаренным командиром, однако меня никогда не поражала неуверенность. Я знал цель еще до того, как мы вообще начали свое странствие. В каком-то смысле я был этой целью. Я был моим предательством, а мое предательство было мною. Не требовалось делать никаких выборов, просто ждать и избегать ловушек. В пустоте бездны все те истины, с которыми на Колхиде я сталкивался в абстрактном виде, обретали конкретность. Когда я впервые ступил на борт звездолета, то почуял на его палубах испарения эмпиреев. При первом выходе в варп я едва не расхохотался от творящегося абсурда – на короткое, несущественное время мы бросались в царство самих Сил, и никто даже глазом не моргнул. Уровень самообмана был колоссален, и я не понимал, как он вообще может держаться сколько-либо долго.

Здесь, как и в других вопросах, я виноват в том, что недооценивал наших противников. Гениальность Похода заключалась в самом его бесстрашии. Скорость его проведения потрясала. Миллионы – нет, триллионы – людей направлялись к единой цели. Пока вся Галактика была охвачена войной, казалось, будто все мы отвлеклись. Мы продолжали глядеть на яростный свет полуденного солнца, и наши глаза

слезились так сильно, что мы не замечали грифов-падальщиков, летящих низко в его лучах. Прояви мы небрежность, эти противоречия могли бы устоять перед изучением достаточное время, чтобы успело завершиться Его великое дело – окончательное изгнание старых богов из мира чувств.

Начав понимать, что здесь замешано, я задумался о том, как необыкновенно мне повезло постепенно возвышаться до положения, позволяющего что-то с этим сделать. Размышляя на этот счет, я подумал, что во вселенной нет никакой удачи в настоящем понимании слова, а на самом деле мне всегда было суждено оказаться на этом месте, в это время и с развитыми до этого уровня способностями. Я был самой судьбой. Ее служителем. Ее рукой.

Однако до момента наступления кризиса все мы выплясывали друг около друга геометрические фигуры, будто огромный латунный планетарий – проводники двух разных будущих, выставившие на доску все свои пешки и основные фигуры. Я чувствовал, что скрытые течения ускоряют свой ход, сливаются и вместе становятся сильнее. Пантеон проявлял необычное единство, отложив присущий ему антагонизм во имя новой жизненно важной задачи. В ту пору я не мог провидеть ничего сверх этого, практически все мои усилия были направлены на понимание нового неуютного мира покорения систем и процветание в нем, однако я уяснил, что все мы балансируем на узком лезвии и уже близки к тому, что упасть на ту или иную сторону.

Неизменно ясным стало и еще одно. Учиняемое нами насилие, хоть оно и приводило известную галактику под пяту Терры, представляло опасность для наших врагов. Смерти множились, боль нарастала. В столь колоссальных масштабах это возымело эффект. Я начал ощущать, что старые Силы ближе ко мне, чем когда-либо прежде, и если я смогу просто потянуться, выставить перед собой закованный в броню палец, то мне удастся как-то соприкоснуться с ними.

Я никогда не утрачивал этого чувства. Какую бы ложь вы ни слышали от моих врагов, но с тех пор Пантеон оставался рядом со мной. Я никогда не являлся их признанным чемпионом, как Гор, но всегда служил им, доносил их слова могучим, был убийцей, советчиком, поставщиком душ.

Постоянство. Вот что они ценят. Возможно, в силу своей вечной изменчивости они вознаграждают разум, который никогда не колеблется в своей решимости.

Или же и это тоже ложь. Так случается со многими вещами, если проследить их к началу.

Они не поддаются пониманию. Не поддаются классификации.

И за это, за эту необъяснимую истину, как я часто говорил, да будут благословенны их многочисленные и переменчивые имена.

Итак, мы переходим к Давину, и перед последней варп-фазой я пребывал в таком предвкушении, что не спал четыре ночи.

Разумеется, это была очередная пустынная планета. Должно быть, есть в них что-то эдакое. Почему боги не проявляют себя более явно в лесах, на фабриках и в городах? Когда мы прибыли на орбиту, я видел лишь вторую Колхиду, суровую и опаленную. Охряные равнины окружали разросшуюся экваториальную зону и выдавливали все прочие виды ландшафта.

После высадки на планету вскоре стало ясно, в чем состоит ключевое отличие. Ее обитатели были людьми, но лишь едва-едва. Они были слишком сильными, слишком странными, как будто нечто работало над ними на протяжении долгого времени. Я считал, что все они ужасно уродливы. Мои боевые братья видели в них лишь подходящих последователей веры.

Если быть точным, веры в Императора. Подождите секунду, пусть станет понятна ирония. Наши Легионы впервые приземлились на Давине с честным и всеобъемлющим намерением превратить его население в прилежных атеистов.

Но не я. Я знал, что мы обнаружим там, настолько же ясно, как знал, что увижу в зеркалах, ныне расставленных по моим личным покоям, всякий раз, когда глядел в них. Все миры обладают своими

гармониями – эфирным резонансом – и Давин не был исключением. Он гудел, давил едва слышимым звуком, который походил на бесконечное бормотание, так и оставшееся на пределе понятного.

Скользя над искаженным от жары ландшафтом на летучей машине, я чувствовал давление в висках – гул перешептываний, направлявших меня туда, где мне требовалось находиться. В других местах шел бой. Дикари этой планеты еще не склонились перед неизбежным и воевали против Сынов Гора и Несущих Слово. Их сопротивление шокировало некоторых прихлебателей на флоте, полагавших это бессмысленным самоубийством, однако они оставались слепы к подлинной цели. Сражение должно было вскоре завершиться, но оно отвлекало все взгляды от недр пустыни, где глубоко под обжигающими песками дремали гробницы.

Я достиг места назначения, приземлился и отключил двигатели. Вышел из челнока и впервые вдохнул воздух Давина. В нем присутствовала легкая сладость, напоминавшая переспелый фрукт. Пыль усеивала и налипала на все – в скором времени фильтрам брони приходилось работать в полную силу просто чтобы прочищать воздуховоды.

Передо мной возвышался какой-то храм, хотя он знавал и лучшие дни. Глинобитно-каменные стены были разрушены, башни обвалились. Осыпавшуюся кладку до сих пор пятнали старые следы былых пожаров, многочисленные двери стояли открытыми, вбирая своими зевами жар.

Я бросил взгляд вниз и увидел, что вокруг моей лодыжки скользит ленточная змея. На миг мелькнул ее черный раздвоенный язык, а затем она поползла прочь, направляясь к резко очерченным теням впереди.

Я двинулся вверх по длинному мосту, с обеих сторон окруженному разбитыми ростовыми статуями. Чем дальше я уходил, тем яснее видел, сколь же величественным некогда должно было быть это место – восьмиугольный город-храм необыкновенных размеров и сложности. На Колхиде у нас были соборы и крупнее, однако, похоже, ни один из них не создавали с таким пониманием взаимосвязи реального и нереального. Я сразу же понял – эти давно умершие архитекторы знали, что делали. Им были известны священные степени и пропорции. Известно, где расположить наблюдательные башни и звонницы, чтобы улавливать красный свет проходящего древнего солнца Давина и отбрасывать тени, которые на краю зрения казались похожими на зубы, рога и кривые когти.

К тому моменту день уже шел к концу, и воздух расслаивался от томной жары. Вокруг стояла практически полная тишина, которую нарушали лишь мое дыхание и шаги.

Я обнаружил жреца, который сидел на корточках в центре разрушенного двора. Среди груды щебня зиял засыпанный фонтан, в котором уже давно не было воды. С осыпающихся террас на нас взирали горгульи и каменные драконы. На фоне краснеющего неба их коряво выполненные морды имели гротескный вид. Жрец был таким же уродливым, как и все давиниты – кривоzubым ничтожеством с сальными волосами, одетым в грязную рясу. Когда я приблизился к нему, он моргнул, а затем широко и подобострастно улыбнулся.

– Ты пришел, – произнес он так, словно я был каким-то мальчишкой на побегушках, посланным по делам. Я вдвое превосходил его размерами и мог сломать ему шею, шевельнув пальцем. Он, очевидно, был глупцом, которого уже почти покинули силы и разум.

– Я видел это место в своих снах, – сказал я. – Однако оно было иным.

– Оно не всегда было таким, – согласился он, поднялся и заковылял через двор. Я двинулся следом, вынужденно сбавляя шаг, чтобы держаться рядом. Мы прошли в тени горгулий и направились во внутренние помещения, украшенные растрескавшейся штукатуркой и мозаикой без части изразцов. На ходу я видел на стенах поблекшие фрески – ангелов, бившихся с демонами; чудовищ, корчащихся в схватке с рыцарями. Видел картины, где рушились высокие стены, и пламя плясало над падающими башнями. Повторяющееся изображение воителя в золотой броне покрывали царапины, а его лицо

заменяло грубо нарисованное око.

В конце концов, мы пришли в более крупный зал, погребенный в сердце города-храма. Высокий свод купола треснул, словно яичная скорлупа, позволяя красному свету вонзаться в пол вокруг нас.

В центре помещения располагался невысокий каменный алтарь, окруженный четырьмя ритуальными колоннами. Уцелевшую кладку покрывали линии тонкой резьбы – плотно скрученные глифы, которые повторялись снова и снова, совсем как письмена на моем собственном теле.

У меня защипало кожу. Я чувствовал, как сквозь эти сооружения течет энергия, при каждом моем движении готовая ударить, будто статический разряд. Мое дыхание участилось, основное сердце пульсировало чуть быстрее, чем нужно.

- Так вот где это случится, – выдохнул я.

- Возможно, – произнес жрец. – Если ты и впрямь истинный вестник.

К этому моменту я уже ощущал головокружение, опьянение. Одно дело иметь видения, и совсем другое – видеть само место, тот самый камень, те кирпичи. Я развернулся к нему и схватил за горло. Он подавился, и я едва не рассмеялся вслух.

- Как это – *истинно*, жрец? – поинтересовался я, надавив чуть сильнее.

Он был не в силах ответить. Потребовалось бы всего лишь крошечное движение, чтобы раздавить ему трахею. Я чуть было этого не сделал. Связь смерти и силы в том месте была столь совершенной и всепоглощающей.

Но я остановился, вдруг поняв, что за мной кто-то наблюдает. Я обернулся и увидел маленькую девочку, чуть старше младенца, которая глядела на меня широко раскрытыми темными глазами. Выражение ее лица я не мог истолковать. Это был не страх. Возможно, это было что-то вроде возбуждения, совсем как у меня.

Я отпустил жреца.

- Кто это? – спросил я.

- Всего лишь Ашкуб, – судорожно ответил он, горестно потирая рубцы на шее. – Прошу тебя, не причиняй ей вреда.

Я с легким весельем изучал ее. Она бесстрашно смотрела на меня в ответ.

- С чего мне так поступать? – спросил я. – Она опасна?

А потом мой взгляд переместился вбок, следуя по выцветшим фрескам. Их сильно изъела эрозия, так что даже моему улучшенному зрению было непросто их разобрать. Однако на каждой из них я видел одно и то же изображение, повторявшееся раз за разом и выполненное в цветах пустыни: терракота, охра, землисто-желтый.

Нож. Клинок. Грубо обработанный осколок кремня длиной с позвоночник смертного человека. Мне не требовалось задавать вопросов, чтобы знать – подобного оружия не делали на этой планете. Древние мастера работали на основании видений, забрасывая свои разумы в волны эфира и зная, что должно прийти сюда, дабы исполнить их жизненное предназначение.

- Где я найду его? – спросил я.

Жрец поднял на меня глаза. Лицо старика было искажено страхом и недовольством.

- Думаю, узнать это – твоя задача, вестник, – сказал он.

Я сухо улыбнулся под шлемом, чувствуя, как новые татуировки ползут по коже. Славная была ирония – оставить встречать меня здесь эту иссушенную дряхлую пустышку, последний отчаянный кашель

полумертвого народа. Подожди я еще десяток лет, могло бы не остаться вообще никого, только камни, пыль и змеи на песке.

- Восстановите его, - холодно произнес я, оглядывая состояние стен и крыши. - Когда бой завершится, будет назначен губернатор. Он позаботится о том, чтобы у вас было необходимое. Восстановите все, как было раньше.

Жрец жалко усмехнулся.

- Нас осталось так мало. Не можешь ли ты послать нам... помощь?

Я знал, чего он хотел. Рабов, отбракованных во время наших многочисленных завоеваний - то, обладать чем он грезил с тех самых пор, как выучил слова старых проклятий.

Я не стал утруждать себя ответом. Он оглянулся на девочку, которая так и не пошевелилась. Она сидела во мраке на корточках, наблюдая и не говоря ни слова.

- Еще увидимся, - сказал я, скрепляя уговор.

И за все это меня ненавидят.

За то, что стоял у истоков, что заложил фундамент, на котором с охотой строили другие. Думаю, им хочется найти в этой истории что-то такое, что все объясняет - какой-то решающий момент, сделанный выбор, о котором впоследствии можно пожалеть или же принять его во внимание. Но, как я и говорил - ничего такого нет. Я всегда стоял на этом пути, не отступая от него и не сворачивая вбок.

Давным-давно, сознавая ограниченность своих возможностей, я сформулировал фразу, охватывающую мое состояние: *благословлен разум, в котором слишком мало места для сомнения*. Я чрезвычайно привязан к этой максиме и проповедую ее везде, где только могу. Надеюсь, ее воспримут с энтузиазмом, когда наша цель будет достигнута, а Ложный Император окажется исторгнут из вечности.

Как бы то ни было, сейчас я удовлетворен. Меня ненавидят те, кого я предал, и те, кого я направил к предательству. Я привел Магистра Войны к Истине и расколол своды Галактики, дабы ускорить движение его армий. Я жег миры и обжигался о них, но кто поблагодарит меня за это? Это восстание даже не носит моего имени. Его именуют в честь скорпиона, к которому я стоял ближе всего - самого опасного представителя своего рода, какому когда-либо суждено жить.

Ныне я озираю свой позор. Думаю о полученных ранах и боли, которая будет преследовать меня вечно. О тех, кто подверг меня этому унижению, и о том, как они начали свою историю столь благородно, но закончат ее в сточной канаве. Они ненавидят меня не за то, кто я есть, а за то, кем являются они сами. Ненавидят потому, что они свернули с пути, а я нет. Хроники наших врагов называют всех нас изменниками, однако я не менял сторону. Я всегда был точно там же, где и сейчас, сознавая себя и сотворившую меня вселенную. Каждый мой вздох был ложью всем, кроме меня самого. В некотором роде это чистота, и ей не может похвастать никто другой в этой грандиозной армии отступников. Теперь я гляжу на Терру со своей наблюдательной позиции, холодной как пустота, и вижу скопление огней, мерцающее в нестойком мраке. Скоро поступит приказ атаковать, и мы перейдем к финальному акту. Созданные мной чудовища вырвутся из своих оков, не задумываясь о том, какие долгие труды привели их сюда.

Гор изуродовал меня, мой собственный примарх сбросил меня со счетов. Это могло бы стать поводом усомниться в себе сейчас, когда Терра находится на грани падения. Более слабую душу это могло бы заставить ретироваться, грызя себя за неудачу, даже когда последний оплот человечества наконец-то рухнет. Однако мой путь всегда был иным. Меня уже жалили прежде, и я всегда возвращаюсь за новой дозой яда. Я все тот же мальчишка в тених Колхиды, который затягивает удавку и чувствует, как пульсирует его кровь.

На самом деле старые игры так и не кончились. Изменились лишь игроки.

Объяснять больше нечего. Если мне захочется, я могу шептать эти истины собственному покрытому письменами лицу, которое я теперь могу держать перед глазами в качестве единственной доступной мне аудитории. Изодранная плоть высохла, трескается и скоро распадется на части, но я храню ее, как прежде для этой же самой цели хранил зеркала.

Однажды я забрал это лицо у другого человека, чтобы стать тем, кем хотел быть. Теперь оно служит мне напоминанием, что все деспоты ненадежны, и длань судьбы всегда будут ненавидеть. Ныне моя сила такова, что я мог бы сотворить новую кожу за считанные мгновения. Я предпочитаю этого не делать. Под шлемом мое лицо все еще сочится кровью, поблескивающей на освеженных мускулах. Это больно, и это также напоминание.

Я был в начале. Был еще до того, как мы вообще дали названия тому, что делаем сейчас. У меня больше нет паствы, но она появится вновь. Верующие вернуться, желая рассказов о том, каким образом было достигнуто это свершение, и у меня найдутся приготовленные для них истории. О, такие истории. Истории, от которых у них польется кровь из ушей и разорвутся сердца.

Так что это еще не конец, Эреб. Еще нет. Просто наблюдай.

Просто наблюдай.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дитя_Хаоса / _Child_of_Chaos_\(рассказ\)&oldid=13849](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дитя_Хаоса / _Child_of_Chaos_(рассказ)&oldid=13849)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 мая 2020 в 10:19.